

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

**Г.П. КИБАСОВА, И.А. ПЕТРОВА,
О.Н. САВИЦКАЯ**
(Волгоград)

ИДЕЙНЫЕ ДОМИНАНТЫ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ XIV–XVI вв.

Показана взаимосвязь исторических реалий периода создания Русского централизованного государства с культурой своего времени и становлением общерусского национального самосознания.

Ключевые слова: великорусский этнос, культура России, Россия XIV–XVI вв.

XIV век в истории средневековой Руси – один из самых драматичных: вассальная зависимость от Золотой Орды, перманентные усобные войны, дробление русских земель. Мучительно «умирала» древнерусская этническая общность, и на её «останках» формировались три новых славянских народа: русские, белорусы, украинцы. Казалось бы, что в этих условиях у молодого русского этноса не было сил для духовных и художественных исканий.

Однако именно XIV век вошёл в историю как время высочайшего духовного подъёма, связанного с деятельностью великих Святителей Земли Русской: митрополита Алексия, Сергия Радонежского и Стефана Пермского. Духовные искания привели к появлению уникальной иконописной формы для воплощения духовных смыслов русского народа. Поэтому XIV век вошёл в историю как время расцвета древнерусской иконописи. Имена великих мастеров позволяют отметить его вехи. У истоков расцвета – Феофан Грек; пик расцвета – это Андрей Рублёв; его завершение – творчество Дионисия.

Для того чтобы «охватить» все сложности этого века, потребовалась гениальность А.А. Тарковского, который создал, по нашему мнению, один из самых исторически точных кинематографических свидетельств противоречивости XIV в. – фильм «Андрей Рублёв» (1966 г.). Не только официальные советские власти, но даже многие коллеги не могли согласиться с его трактовкой событий и обра-

зов. Сестра режиссёра рассказывала о жесточайших спорах с В. Шукшиным, который кричал в запале: «Не могла такая Русь выстоять!». В самом деле, череда абсолютно «негероических» народных образов: скоморох с непотребными частушками и действиями в исполнении Р. Быкова, монах-мученик (Ю. Никулин), мальчишка-подросток, обманом взявшийся отлить чудо-колокол (Н. Бурляев), и, главное, вечно сомневающийся изограф А. Рублёв (А. Солоницын) – никак не связывались в сознании «строителей коммунизма» с героическими страницами истории XIV в., овеянного славой Куликовской битвы.

Андрей Тарковский первым попытался за официальными «лубочными картинками» древней истории и сухими, академичными страницами научных трудов увидеть реальных людей и реальную жизнь того времени. Неординарная форма кинематографической трактовки событий, по нашему мнению, стала отражением уникального момента отечественной истории, когда векторы этнического и социального развития удивительным образом совпали, что и стало главной причиной, приведшей к объединению русских земель и формированию нового великорусского этноса.

Выделение великорусской ветви из восточнославянского массива было связано с весьма драматичной исторической ситуацией. Фактически жители северо-восточных земель остались один на один с двумя серьёзными врагами: католическими орденами на западе и Золотой Ордой на юго-востоке. Батыево нашествие, княжеские усобицы, сложные отношения новых политических центров северо-восточной Руси с Литвой и Ордой, нарушение привычных хозяйственных связей с Приднепровьем – все эти процессы недвусмысленно свидетельствовали о переломном характере эпохи. Многие прежние традиции, сложившиеся в Киевском государстве, были забыты, будущее северо-восточной части славянства казалось весьма неопределённым, настоящее – безнадёжным.

Население русских северо-восточных земель в конце XIII–начале XIV в. фактически оказалось под угрозой физического истребления. Значительную часть русичей угоняли в

рабство (русские девушки, ремесленники высоко ценились на невольничьих рынках Востока). Долгое время частью «хараджа» было рекрутирование русских воинов в ордынскую армию. Всё это привело к сокращению численности населения. Отметим, что уменьшение шло в основном за счёт лиц детородного возраста, и, следовательно, нужно говорить о качественном ухудшении генофонда, свидетелем которого был угасание этой части славянства.

Демографический кризис был следствием не только физического истребления, но и духовной деградации. Как отмечал В.О. Ключевский, три поколения русских выросли в условиях постоянного страха перед ордынцами. Состояние культуры говорило о глубоком моральном и физическом упадке. Практически прекратились градостроительство и храмостроительство, исчезли многие ремёсла. Из 74 русских городов ордынцами были разорены 49, а из 200 ремёсел, по данным Б.А. Рыбакова, к XV в. сохранилось не более 50. Физически было уничтожено большое количество князей, местных бояр, дружинников, поэтому стали сходить на нет принципы военной демократии, вечевые традиции, военное искусство. Таким образом, налицо была реальная угроза исчезновения народа и его культуры.

В подобной ситуации возможны два варианта развития событий: или молодой народ будет ассимилирован другим этносом, более организованным в социально-политическом отношении, или он мобилизует все силы и найдёт социальные инструменты для сохранения себя от физического истребления. В данном случае уже недостаточно «природных» механизмов адаптации. Военно-политический «вызов» требовал адекватного «ответа». Этнос перед угрозой исчезновения должен был переорганизоваться, подключить социальные механизмы самосохранения, каковыми являются государство, фиксированная граница, армия, аппарат управления и т. д. Более того, этнос должен быть готов на любые жертвы ради главной цели-ценности. Таким образом, сохранение этноса как единицы истории предопределило процесс форсированного социального развития. Это редкий момент в истории, когда наблюдается максимальное совпадение векторов этнического и социального развития.

Глубинные потребности этнического развития в данном случае выступали как страховка социального прогресса, поскольку на внешнем уровне работали объективные тенденции феодальной раздробленности, усугубленные ордынским игом. Они часто требовали

иной политической линии: вассального подчинения ордынцам, смиренного отношения к унижениям (система знатных заложников, выполнение языческих обрядов при получении «ярлыка» и т. д.). Открытая борьба с ордынцами была ещё непривычным делом для московских князей, традиционно ориентированных на Орду и постоянно добивавшихся поддержки ханов в распрях с представителями других русских городов.

Специфику взаимодействия этнического и социального в русской истории образно описал Д.С. Лихачёв. Он считал, что общенациональный подъём XIV– начала XVI в., ускоряющийся процесс стягивания разрозненных русских земель в единое государство связаны с гармоничным соотношением «женского» и «мужского» начал в русской истории. Под «мужским» он разумел государственное, а под «женским» – этническое начало. Их диалектическая неразрывная взаимосвязь обеспечила государственно-политическое оформление, что, в свою очередь, являлось показателем степени зрелости этноса и его готовности к более сложным социальным формам организации, поскольку политика в данном случае была отражением основных этнических целей (выживание и сохранение).

Единство Русской земли стало доминирующей идеей эпохи, которая нашла отражение в «странной» политике Ивана Калиты, в подвижническом служении преподобного Сергия Радонежского, в воинственной позиции митрополита Алексея по защите прав на Великий престол малолетнего князя Димитрия и т. д. Именно эта идея руководила князем Димитрием Ивановичем на Куликовом поле, и только ею можно объяснить эту великую, но страшную победу. Недаром автор «Задонщины» пишет, что река Дон красной стала от крови русской, даже называет число погибших – 250 тысяч, хотя современные авторы отмечают, что на этом поле вряд ли могло уместиться такое количество воинов. Но Сафонию Рязанцу важно было подчеркнуть величие этой победы и цену, заплаченную русскими за нее.

Идеей единства и жертвенности пронизана вся подвижническая жизнь Сергия Радонежского, нашедшая воплощение в служении Пресвятой Троице. В честь неё он в 1337 г. собственноручно закладывает деревянную Троицкую церковь. Идея настолько своевременна, а личность Сергия настолько притягательна, что к нему стекается множество «обиженных и оскорблённых», уставших от страха перед ордынцами. «И мнози к нему приходяду,

и не токмо ближнии, но издалеча и от дальних градов и стран, хотяши видети (его) и слышати слово от него и велику пользу и душевное спасение приемлюще от поучения и дел его» – так говорит Елифаный Премудрый о своём учителе в Похвальном слове [4].

Важно отметить, что до XIV в. ни в Византии, ни на христианском Востоке, ни на Руси не было широкого почитания Троицы, хотя Вселенский собор утвердил догмат о троичности Божества ещё в 381 г. Однако в XIV–XV вв. на Руси культ Троицы становится чрезвычайно популярным. Исследователи считают, что причина популярности Троицы – нераздельной и неслиянной – в отношении Русской православной церкви и народа в целом к политической ситуации в русских землях. Как нераздельная, Троица олицетворяла необходимость собирания русских земель, осуждения усобицы; как неслиянная, она требовала освобождения от иноземного ига.

Таким образом, до Сергия Радонежского праздника Троицы не существовало. Были Пятидесятница, Сошествие Святого Духа. Но уже в XIV в., как пишет Г. Георгиевский в книге «Завет Преподобного Сергия» (1892 г.), Пятидесятницу начинают именовать Троичным днём и к величанию выставляется икона Троицы. П. Флоренский отмечал, что Византия не знала праздника Троичного дня, «как не знала она, в сущности, ни троичных храмов, ни троичных икон». Он считал Троичный день литургическим творчеством русской церковной культуры, а «определённое – творчеством Преподобного Сергия» [12].

В богословской и историософской литературе не существует единого мнения об отношении Сергия Радонежского к общественным проблемам, политической деятельности священнослужителей. Несомненно, что в помыслах и деяниях основателя Троицкого монастыря сочетались две тенденции: стремление к уединённому духовному деланию, умной молитве и готовность внимать нуждам мира, отказываясь от созерцательного отшельничества. Обе эти тенденции, органично соединившиеся в жизни преподобного Сергия, впоследствии были разделены и противопоставлены последователями троицкого игумена, иосифлянами и нестяжателями.

Мы сошлёмся на авторитет Г.П. Федотова. Именно с подвижнической деятельностью преподобного Сергия он связывает начало духовного возрождения русского народа, столь долго подавляемого монгольским игом. В книге «Святые Древней Руси» Г.П. Федотов под-

чёркивал: «От мистики до политики огромный шаг, но преподобный Сергий сделал его, как сделал шаг от отшельничества к общежитию, отдавая своё духовное благо для братьев своих, для русской земли. Вмешательство преподобного Сергия в судьбу молодого государства Московского, благословение им национального дела было, конечно, одним из оснований, почему Москва, а вслед за нею и вся Русь чтит в преподобном Сергии своего небесного покровителя» [11]. Эта мысль прослеживается и в оценках В.О. Ключевского [6]. Н.К. Рерих называл отца Сергия строителем русской духовной культуры.

Идеи «смыкаются» через судьбы. Поэтому обратим внимание на предположение, высказанное в своё время Б.К. Зайцевым. Возможно, что при жизни преподобного в Троицком монастыре проходил послушание и принял постриг Андрей Рублёв [5]. Следовательно, он мог зреть, слышать, впитывать идеи «заступника русской земли». Здесь, очевидно, и таится «отгадка» глубокого идейного содержания иконописи А. Рублёва. А если к этому добавить, что иконописному мастерству он, возможно, учился у Феофана Грека (и тот, и другой принимали участие в росписи храмов Московского Кремля), то будет понятно гениальное единство художественной формы и духовного содержания его иконописи. В связи с вышесказанным факт предложения А. Рублёву написать иконы для Троицкой церкви, воздвигнутой над ракой с мощами преподобного, совершенно не случаен.

В память о духовном отце, как воплощение его нравственного завещания, пишет он икону Пресвятой Троицы, в которой облёк в совершенную художественную форму философскую сущность тринитарного учения отца Сергия, воплотив в ней «премирённую тишину безглагольности», «дабы воззрением на Святую Троицу побеждался страх ненавистной розни мира сего» [12]. При всех художественных достоинствах иконописи Рублёва не в них его «святость» (напомним, что А. Рублёв в 1989 г. канонизирован Русской православной церковью). Она в том, что он, одухотворённый великими идеями русских святителей (митрополита Алексея, Стефана Пермского, Сергия Радонежского), нашёл адекватные им художественные формы.

Единство действий и готовность на любые жертвы ради сохранения Святой Руси – вот главные идеи эпохи становления великорусского народа. Автор «Задонщины» славит не князя-победителя, а воздаёт «Руси ве-

ликую славу». Говоря словами русских пословиц, народ понимал, что «всё минется, одна правда сбудется» и «Мамай правды не съест». «Для нас, – пишет Сафоний Рязанец в “Задонщине”, – земля Русская подобно милому младенцу у матери своей: его мать ласкает, а рать лозою наказывает, а добрые дела милуют его» [3]. Применительно к нашей проблеме это означает, что сохранение родной земли – важнейшая ценность для русского народа, её защита – дело его жизни, ради чего он готов вынести любые «рати».

В первые века истории великорусского этноса огромное количество объективных причин (татаро-монгольское иго, центробежный процесс дробления княжеств, слабость властных структур, агрессивная политика папской церкви) работало на разъединение, рассеивание русских земель. Например, те из них, которые вошли в состав Великого княжества Литовского (Волинская, Витебская, Турово-Пинская, Киевская, Переяславская, Черниговская, Северская), в XV в. стали частью Речи Посполитой и утратили свой исконный этнический статус. На этот «вызов» истории закономерным ответом могло быть только объединение, формирование единого государства, иначе великороссы под давлением многих опасностей были бы просто ассимилированы или физически истреблены. Усложнение социальных форм бытия этноса приводит к его трансформации в более сложную этническую общность – народность, скрепленную единством не по крови, а по земле и едиными социальными институтами.

В XIV–XV вв. с русским этносом произошёл этот качественный скачок. Как сложная самоорганизующаяся система, этнос ответил усложнением внутреннего порядка существования на хаотично нарастающие внешние негативные факторы. На вопрос эпохи: быть или не быть русскому народу – он ответил консолидацией и созданием государства. Дезорганизующие факторы были преодолены именно потому, что в основе социально-государственного строительства лежали глубинные этнические интересы. И в самом деле, ведь не волей Ивана Калиты, Ивана II (Красного), Дмитрия Донского, Василия II (Тёмного), Ивана III, Ивана IV создаётся единое централизованное государство, а тем, что их деятельность отражала, сознательно или бессознательно, потребности этноконфессионального развития молодого русского этноса. Именно оно (развитие) требовало для борьбы против внешней круговой опасности сильного единого госу-

дарства. Те из князей, кто в своей деятельности отражал эти потребности, и вошли в историю. «Не слабостью монголов и не происками князей освободилась Россия, – писал в своём “Розыске историческом” декабрист М.С. Лунин. – Крайность бед, достигнув высшей степени, пробудила дух народный, без которого не совершается коренных переворотов» [10].

Государство, по нашему мнению, является не внешним фактором для этноса, а результатом его развития под давлением внешней среды как следствие необходимости противостоять внешним и внутренним неблагоприятным воздействиям. То есть из потребностей самосохранения и саморазвития народа рождается потребность в государственном объединении. Совпадение векторов этнического и социального развития перекрывает все центробежные тенденции. Формирование социально-политических институтов являлось главным рычагом в реализации целей этноса, деятельностью их для народа становится понятной, а все затраты и жертвы оправданными. Поэтому, несмотря на огромные усилия и жертвы, княжеские усобицы, выливавшиеся в настоящие «феодалные войны», в течение XIV–XV вв. неуклонно идет процесс создания единого государства.

Отметим, что это общеевропейская тенденция данного периода, усиленная для России фактом гибели Византии в 1453 г. Вместе с Софьей Палеолог, племянницей последнего византийского императора, ставшей женой Василия III, как «приданое» Русь приобретает многие атрибуты единой политической власти: герб, придворный этикет, возможно, и само название, поскольку именно в Византии страну русов называли Россией. Всё это знаменует завершение процесса политического объединения этнической территории великороссов.

О качественном скачке в организации этнической системы и высоком социотворческом потенциале русского этноса говорят визуальные изменения культурного пространства. Процесс её (системы) переструктурирования через преодоление феодальной раздробленности и организацию единой социально-политической сферы потребовал максимального напряжения сил. «На волне» этого сверхнапряжения формируется удивительная культура, отразившая новое качественное состояние русского этноса, когда народ связан не только землей, но и общезнаменными духовными ценностями. С XIV в. устойчиво проявляется тенденция к формированию общерусской культуры. Появляются общерусские ико-

нописные школы, общерусский архитектурный стиль, общерусская планировка застройки городов, общерусское летописание. Недаром Д.С. Лихачёв период конца XIV – начала XVI в. называет «проторенессансом русской культуры».

Здесь надо сделать некоторые уточнения. Ряд авторов считают определение Д.С. Лихачёва надуманным, искусственно «притянутым» [1]. Не вдаваясь в искусствоведческие тонкости, по которым А.А. Арутюнян полемизирует с Д.С. Лихачёвым, мы отметим лишь моменты, касающиеся нашей проблемы. Будем исходить из того, что понятия «предвозрождение» и «возрождение» используются в нескольких смыслах. Во-первых, как строгие научные понятия, фиксирующие принципиально новое качество европейской культуры определённого периода; во-вторых, как общепотребимые понятия, подчёркивающие качественное изменение вообще какого-либо процесса или явления (например, «великий русский ренессанс» Н.А. Бердяева). Мы считаем, что принципиально новое качество отечественной культуры конца XIV – начала XVI в. обусловлено, прежде всего, особыми этносоциальными процессами, новым качеством этнической системы, точнее, рождением великоросского народа. В нашем случае речь идёт именно о прямом значении понятий «предвозрождение» и «возрождение», а именно родиться заново, восстать из небытия, из пепла, недаром символом Руси этого времени стала птица феникс.

Наиболее ярко процесс роста этнического самосознания отражён миром художественной культуры. Появляются уникальные литературные жанры, неизвестные в Европе этого времени, например исторические повести, связанные с теми или иными значимыми событиями в жизни народа. Большинство из них повествуют об ордынском нашествии: «Повесть о Калке», «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Китежская легенда», «Задонщина», «Летописная повесть о Куликовской битве», «Слово о житии Дмитрия Донского», «Сказание о Мамаевом побоище». Всё это новые в жанровом отношении произведения, которые имели огромное значение в формировании духовного единства русского народа [7]. К этому времени относится расцвет древнерусской иконописи, связанный с именами Феофана Грека, Андрея Рублёва, Дионисия, а также создание неповторимого ансамбля Московского Кремля.

На множество неблагоприятных объективных и субъективных факторов, работающих на

«растворение» молодого великорусского этноса, народ ответил мощным противодействием, что говорит о его большом внутреннем социобиообразующем потенциале. Это внутренний, скрытый этнический потенциал страховал и направлял деятельность русских князей, чего некоторые историки, вслед за С.М. Соловьёвым, не хотели и не хотят замечать. До сегодняшнего дня парадоксальную ситуацию стремительного возвышения Москвы объясняют деятельностью потомков Даниила Александровича. Напомним, в конце XIII в. Москва как захудалый, приграничный город-крепость достаётся Даниилу Александровичу, князю-изгою, девятому сыну Александра Невского, не имеющему права на Великий престол, а уже в начале XIV в., при Иване Калите, она фактически становится центром объединения русских земель.

Вплоть до XX в. основным стержнем русского исторического процесса считалась борьба между монархами-строителями сильного государства и противостоявшими им силами. Такими силами, по мнению С.М. Соловьёва, были носители «родовых начал» бояре, а в более поздние века – казачество. Не сомневаясь в необходимости и благотворности для народа державного могущества государства, Соловьёв и его последователи задавались вопросом: почему «собирающей Руси» оказалась Москва? Главную причину образования единого государства обычно искали во внешнеполитических факторах (опасность нападения Золотой Орды и других соседей), что было проще всего. Говорилось об удобном географическом расположении Москвы на водных торговых путях, её удалённости от Золотой Орды и для татарских набегов и т. д. Были попытки проводить прямые аналогии с процессами образования западноевропейских централизованных государств. При этом опирались на незаконченную статью Ф. Энгельса, озаглавленную при издании «О разложении феодализма и возникновении национальных государств» [8], и доказывали, что русское самодержавие было воплощением «торгового капитализма» (М.Н. Покровский). Эти подходы прочно закрепились в отечественной историографии.

Сегодня налицо их недостаточность, а в некоторых случаях проступает и явная искусственность, надуманность аргументов. А.А. Зимин показал, что ни особо развитых торговых путей, ни особой защищённости у Москвы не было. Поэтому историки часто используют простое суммирование, т. е. собира-

ют всё, что говорилось по этому поводу у всех видных дореволюционных, советских и современных историков. Тем не менее от этого возвышение Москвы не перестаёт оставаться «историческим чудом». Летописец XV в. писал: «Кто думал-гадал, что Москве царством быти, и кто же знал, что Москве государством слыти?» [2].

Явная слабость господствующей в историографии концепции истории образования Московского государства не привела пока к её пересмотру. «Прогрессивность» самодержавного государства по-прежнему утверждалась и утверждается не только как историческая закономерность, но и как некое абсолютное благо для народа. Москва оказывается извечно «прогрессивнее» Твери или Новгорода, Василий II – «прогрессивнее» своих соперников – галицких князей, Иван Грозный – «прогрессивнее» всех тех, кого он карал и уничтожал. Такой подход, во-первых, отражает лишь поверхность исторического процесса; во-вторых, представляет народ каким-то неразумным субъектом, не понимающим своего блага; в-третьих, разрывает и противопоставляет этническое и социальное начала истории.

Однако если ввести в социально-исторический анализ дополнительные параметры и допустить, что этнос – полноправный и самостоятельный участник исторического развития, то открываются новые горизонты научного знания. Несмотря на скачкообразность и извилистость движения к объединению (в России в физическом и социально-политическом смысле не бывает прямых дорог), огромные жертвы, грубость форм межкняжеской борьбы, оно отражало внутреннее диалектическое соединение на этом историческом этапе потребностей социального и этнического развития. Субъективный фактор в политическом развитии нивелировался этой внутренней потребностью.

Общенациональным (этническим) центром объединения могло стать то русское княжество, где в деятельности князей наиболее интенсивно и, что немаловажно, в нужный исторический момент проявились бы эти тенденции. В этой исторической «точке» должны были совпасть внутренняя моральная, психологическая готовность молодого этноса к борьбе за независимость через объединение и политическая линия определённого центра. Претендентами на роль лидера помимо Москвы могли быть Новгород, Тверь, Рязань. Но объективно таких стремлений ни у Новгоро-

да (который всё время тяготел к экономической и политической самостоятельности), ни у Твери и Рязани (которые значительно раньше Москвы стали самостоятельными уделами и стремились только сохранить свой независимый статус) не наблюдалось. Это «совпадение» стало проявляться после правления Ивана Калиты, который своей «странной», непатриотичной политикой фактически подготовил почву для быстрого взлёта Москвы и дал возможность населению опомниться от страха перед ордынцами.

Одна из летописей сообщает, что в правление Ивана Калиты наступила «тишина велика по всей земли», прекратились распри князей и татарские карательные набеги. Москва первой установила мирные отношения с татарами, поэтому именно на московские земли устремился поток переселенцев, уходивших из разорённых областей, в особенности с опустошённого юга. В начале XIV в. здесь, по археологическим данным, было основано 185 новых поселений, а их общее число увеличилось в четыре раза, что намного превысило число поселений, существовавших до нашествия. Совершенно не случайно сюда в 1326 г. переносится престол митрополита, и Москва становится религиозным центром будущей единой России. Именно в это время разворачивается деятельность митрополита Алексия и Сергия Радонежского [9]. За Троицкой обителью строятся новые и новые монастыри. Ключевский отмечает, что за XIV–XV вв. было построено 150 монастырей, основателями которых в большинстве своем стали последователи отца Сергия. Они стали центрами духовного возрождения народа, где и начинается процесс духовного покаяния, поскольку покаяться дословно означает *переосмыслить, передумать*.

На фоне представленной исторической ситуации становятся понятнее образы, созданные А. Тарковским. Скоморох «бесчинствует», прежде всего, для княжеских людей, дождём загнанных в хлев вместе с простым людом. Он пытается пробудить в них национальную гордость, обличить ордынопоклонство. Мальчик-подросток для того, чтобы просто физически выжить, идёт на обман, но памятью об отце, памятью «крови», народным чутьём отливает чудо-колокол. Чернец-изограф А. Рублёв в «великих муках» и метаниях рождает новые художественные формы для передачи канонических библейских сюжетов («Страшный суд»), такие, которые отражают главные цели-ценности молодого русского народа.

Список литературы

1. Арутюнян А.А. Россия и ренессанс // Ответственные науки и современность. 2001. № 3. С. 89–101.
2. Бушуев С.В., Миронов Г.Е. История государства Российского: ист.-библиограф. очерки. Кн. 1. IX–XVI вв. М.: Кн. Палата, 1991. С. 174.
3. Древнерусская литература. М.: Наука, 1993. С. 170.
4. Житие Преподобного и Богоносного отца нашего, игумена Сергия, чудотворца, написано премудрейшим Епифанием // Древнерусская литература. М.: Наука, 1993. С. 174–197.
5. Зайцев Б.К. Белый свет: Проза. М.: Худож. лит., 1990. С. 186–238.
6. Ключевский В.О. Значение Преподобного Сергия Радонежского для русского народа и государства // Исторические портреты. М.: Правда, 1991. С. 63–76.
7. Лихачёв Д.С. Первые семьсот лет русской литературы. М., 1969. С. 20.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 21. М.: Гос. изд-во полит. лит. С. 406–416.
9. Нефедов С.А. О демографических циклах в истории средневековой Руси // Клио. 2002. № 3 (18). С. 196.
10. Сивоконь П.Е., Родин В.М. Основные тенденции в характере истории народов СССР // Вестник МГУ. Сер. : Философия. 1988. № 5. С. 9.
11. Федотов Г.П. Святыя Древней Руси. М.: Моск. рабочий, 1991. С. 140–153.
12. Флоренский П. Троицко-Сергиевская лавра и Россия. Сергиев-Пасад: б/м, 1919.

* * *

1. Arutyunyan A.A. Rossiya i renessans // Obschestvennyye nauki i sovremennost. 2001. № 3. S. 89–101.
2. Bushuev S.V., Mironov G.E. Istoriya gosudarstva Rossiyskogo: ist.-bibliograf. ocherki. Kn. 1. IX–XVI vv. M.: Kn. Palata, 1991. S. 174.
3. Drevnerusskaya literatura. M.: Nauka, 1993. S. 170.
4. Zhitie Prepodobnogo i Bogonosnogo ottsa nashego, igumena Sergiya, chudotvortsya, napisano premudreyshim Epifaniem // Drevnerusskaya literatura. M.: Nauka, 1993. S. 174–197.
5. Zaytsev B.K. Belyiy svet: Proza. M.: Hudozh. lit., 1990. S. 186–238.
6. Klyuchevskiy V.O. Znachenie Prepodobnogo Sergiya Radonezhskogo dlya russkogo naroda i gosudarstva // Istoricheskie portretyi. M.: Pravda, 1991. S. 63–76.
7. Lihachyov D.S. Pervyye semsot let russkoy literatury. M., 1969. S. 20.
8. Marks K., Engels F. Sochineniya. 2-e izd. T. 21. M.: Gos. izd-vo polit. lit. S. 406–416.

9. Nefedov S.A. O demograficheskikh tsiklah v istorii srednevekovoy Rusi // Klio. 2002. № 3 (18). S. 196.
10. Sivokon P.E., Rodin V.M. Osnovnyye tendentsii v haraktere istorii narodov SSSR // Vestnik MGU. Ser. : Filosofiya. 1988. № 5. S. 9.
11. Fedotov G.P. Svyatyie Drevney Rusi. M.: Mosk. rabochiy, 1991. S. 140–153.
12. Florenskiy P. Troitsko-Sergievskaya lavra i Rossiya. Sergiev-Pasad: b/m, 1919.

Ideological dominants of Russian culture of XIV–XVI centuries

The article deals with the correlation of historical facts of the foundation period of the Russian centralized state with the culture of its time and establishment of the Russian national thinking.

Key words: *Great Russian ethnos, culture of Russia, Russia of the XIV–XVI centuries.*

(Статья поступила в редакцию 19.10.2016)

А.П. САТАРОВА
(Волгоград)

ХОПЕРСКИЙ И УСТЬ-МЕДВЕДИЦКИЙ ОКРУГА В МИРНЫЙ ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (февраль 1917-го – апрель 1918 г.)

Освещаются события в Хоперском и Усть-Медведицком округах в период мирного развития революции в феврале 1917-го – апреле 1918 г. Раскрываются специфические особенности изучаемого региона, дается обоснование его стратегической важности в рамках развязываемой Гражданской войны.

Ключевые слова: *казачество, нейтралитетчики, чрезвычайные органы, революция 1917 г., противостояние, большевизм.*

Хоперский и Усть-Медведицкий округа составляли северную часть Донской области, форпост Области Войска Донского, ближе всего расположенный к центральным районам страны. Сравнительно менее жаркий и сухой климат преопределил сельскохозяйственную